

кивал перелом, пережитый каждым из героев «в середине *его* тридцатых годов»,¹⁰⁹ т. е. в то же время, что и самим Гончаровым (разочарованность в жизни, «скука», ломка романтических иллюзий и воцарение реализма с его ироническим отношением к прежним романтическим ценностям), аналогичный тому перелому, который в это время происходил в литературе Европы и России. Ученый высказывал следующее суждение: «...несмотря на то, что несколько кандидатов соперничают в науке о Гончарове в ролях моделей его центральных персонажей, я предпочел пренебречь этими предполагаемыми прототипами, так как затрудняюсь увидеть, что именно можно выиграть при сокращении роли творческой фантазии, о которой мы знаем многое в отличие от реального человека, о котором мы не знаем почти ничего».¹¹⁰

В последние годы всплеск интереса к творчеству Гончарова отмечен во всем мире. Обломов стал героем, о бездействии которого говорят как о поступке, более того, как о противостоянии наступающему прогрессу (в его бесчеловечной ипостаси). Сам писатель с позиций рубежа XX—XXI веков давно уже не воспринимается в роли «обличителя обломовщины». Очевидно, что Гончаров наделил этого героя духовным родством с самим собой,¹¹¹ отдал ему не только свои общечеловеческие преходящие слабости, которые видел зорче, нежели кто бы то ни было из современников и критиков, но и тот взгляд на реальность, который позволил сделать этот мир яснее.

¹⁰⁹ Ibid.

¹¹⁰ Ibid. P. 37.

¹¹¹ См. об этом: *Фаустов А. А.* Из материалов к курсу лекций «История русской литературы второй трети XIX века». Воронеж, 2000. С. 17.

© А. Ю. Балакин

О ПРОБЛЕМЕ ВЫБОРА ОСНОВНОГО ИСТОЧНИКА ТЕКСТА РОМАНА И. А. ГОНЧАРОВА «ОБРЫВ»

Едва ли кто-нибудь станет спорить с утверждением, что установление основного текста того или иного произведения — одна из ключевых задач текстологии. Редактор, готовящий его переиздание, становится, по сути, посредником между автором и нынешним читателем, и от того, насколько ответственно и профессионально он выполнит свою работу, во многом зависит бытование классического сочинения в современном культурном сознании. И первая же задача, которую должен решить каждый текстолог, — правильно выбрать источник для переиздания текста.

Для произведений, опубликованных при жизни писателя несколько раз, в качестве основного принимается, как правило, последнее прижизненное издание либо последнее по времени издание, в подготовке которого автор принимал непосредственное участие и в котором, таким образом, отражена его последняя творческая воля. Но, как не раз отмечалось, механически следовать этому принципу было бы ошибкой. Ведь движение текста от издания к изданию вовсе не подразумевает его улучшение. При анализе и оценке источника нельзя не принимать во внимание, что зачастую на его трансформацию влияют также и нетворческие факторы (небрежность набора, произвол корректора и др.), — и эти искажения текста могут оказаться более значимыми и весомыми, чем авторская редактура. Поэтому, анализируя движение текста, безусловно, необходимо оценивать и учитывать как историю возникновения каждого печатного источника, так и его эдиционное качество.

Чтобы показать, насколько нетворческий (эдиционный) фактор может влиять на качество текста, приведем один пример. В 1880 году вышло десяти томное издание

«Сочинений» И. С. Тургенева, которое готовилось под наблюдением автора, писавшего в предисловии, что его «текст (...) тщательно исправлен».¹ Однако к первому тому был приложен список опечаток, замеченных во всех десяти томах, который был составлен самим Тургеневым, указывавшим: «Автор покорно просит читателей выправить до чтения обозначенные важнейшие опечатки, так как некоторые из них искажают самый смысл речи».² Список этот чрезвычайно показателен. В нем отмечено свыше четырехсот опечаток, из них более половины имеют вполне осмысленный характер и без этого списка могли бы быть восприняты как полноценные авторские варианты, свидетельствующие о тщательной и углубленной работе над текстом. Вот несколько примеров: вместо «потертых» напечатано «пестрых», вместо «сторожила» — «оберегала», вместо «переменив» — «понизив», вместо «показывается» — «является» и т. п. Особенно же часты выпадения, добавления и замены одной, двух и трех букв в слове, из-за чего, как правило, изменяются глагольные формы, а также мелких слов, предлогов или союзов. Как мы видим, даже несмотря на то, что текст всех десяти томов «Сочинений» был внимательно просмотрен самим Тургеневым, количество вкравшихся в него опечаток чрезвычайно велико.³ Причем в этом издании остались и погрешности, которые автор пропустил и которые, таким образом, не попали в составленный им список. О подобных ошибках М. П. Алексеев писал, что «не замеченные самим Тургеневым в прижизненных изданиях его сочинений и тем самым как бы узаконенные им, они механически переносились из одного издания в другое: лишь обращение к рукописи засвидетельствовало, что то, что можно было бы считать „авторской волей“, в сущности являлось простым недосмотром».⁴

Рассмотренный выше текстологический факт достаточно прост для анализа и оценки. Нам достоверно известно практически о всех этапах работы писателя над упомянутым изданием: он редактировал текст, читал корректуры, затем просмотрел отпечатанные тома и составил список опечаток. Гораздо сложнее случай, когда в последующем издании содержатся разночтения с предыдущим, но о том, работал ли над ним автор и каков был характер этой работы, нам не известно ничего. Именно так обстоит дело с романом «Обрыв».

При жизни И. А. Гончарова «Обрыв» издавался пять раз. Впервые он был опубликован в журнале «Вестник Европы» (1869. № 1—5); через год последовало отдельное издание (1870); в 1883 году Гончаров одновременно переиздает все три своих романа; затем «Обрыв» вошел в состав двух собраний сочинений (1884 и 1886—1887). Кратко охарактеризуем эти издания.

Публикацию в «Вестнике Европы» с эдидионной точки зрения можно признать наиболее совершенной. Гончаров до последнего момента работал над своим любимым детищем, вносил существенные изменения в уже сверстанные листы, чем задерживал выход номеров журнала и вызывал недовольство его главного редактора М. М. Стасюлевича. Известно также, что он держал две корректуры и внимательно проверял, правильно ли вносили наборщики сделанные им исправления. Кроме того, корректуру романа держала и С. А. Никитенко, многолетняя знакомая и помощница Гончарова, перебелившая черновик «Обрыва» при подготовке его к изда-

¹ Тургенев И. С. Соч.: В 10 т. М., 1880. Т. 1. С. VI.

² Там же.

³ Впрочем, иногда список опечаток может использоваться автором как сознательный творческий прием; таков, например, список опечаток в гофмановских «Житейских воззрениях кота Мурра» (см.: Гофман Э. Т. А. Собр. соч.: В 6 т. М., 1997. Т. 5. С. 11). По мнению исследователей, «откровенно беллетризованный характер» имеет и список опечаток в первом издании «Вечеров на хуторе близ Диканьки» (см.: Гоголь Н. В. Полн. собр. соч. и писем: В 23 т. М., 2001. Т. 1. С. 249, 849; примеч. Е. Е. Дмитриевой).

⁴ Алексеев М. П. Текстологические особенности издания И. С. Тургенева // Текстология славянских литератур: Доклады конференции. Ленинград, 25—30 мая 1971 года. Л., 1973. С. 12.

нию. Следствием этой скрупулезной работы стало минимальное количество опечаток и погрешностей в журнальном тексте романа.

Заметим, что Гончаров всегда старался тщательно вычитывать корректуры своих произведений и очень болезненно реагировал на опечатки. О степени его педантизма в этом вопросе, о том, насколько придирчиво писатель относился к каждой мелочи, свидетельствует, в частности, его письмо к П. А. Ефремову от 17 марта 1874 года, в котором идет речь о публикации в сборнике «Складчина» статьи «Из воспоминаний и рассказов о морском плавании», ставшей впоследствии заключительной главой книги «Фрегат „Паллада“». Вот это письмо:

Воскресенье
17 Марта 74

Полагая, что Вы еще не успели сегодня отправить сверстку моей статьи в типографию, многоуважаемый Петр Александрович, я спешаю просить Вас покорнейше исправить одну неусмотренную мною вчера, по причине сумерек, довольно заметную ошибку, которую я сейчас же заметил теперь, пробегая дубликат статьи при дневном свете.

Именно: лишнюю букву *н* в слове *помните*, на странице 560, в 6-й строке снизу, в скобках.

Потом, кстати, пожалуй, можно указать еще на стр. 548, где на девятой строке сверху, в последнем полуслове *това*, вместо переносной черточки, поставлена запятая, а внизу, на той же самой странице, в шестой строке снизу, между словами *к нему вдруг*, вместо запятой, поставлена точка. Все это конечно же пустяки и может оставаться так, как есть, особенно если Вы уже отослали в типографию — но если не отослали, то, может быть, дадите себе труд исправить их, так как Вы не любите опечаток и я их терпеть не могу.

До свидания.

Ваш Гончаров.

Я вполне убежден, что Вы не прочитывали моей статьи — так как я сам довольно исправный корректор — поэтому так и забочусь об опечатках.⁵

О подобном же внимании Гончарова к «исправности» корректуры свидетельствуют и другие его письма.

Вернемся к истории изданий «Обрыва». Вскоре после завершения журнальной публикации Гончаров задумывает выпустить роман отдельно и даже подыскивает типографию, которая производит предварительный расчет и обещает выполнить работу за два с половиной месяца.⁶ В середине мая писатель уезжает за границу и берет с собой все пять книжек журнала, надеясь пересмотреть текст. Но тут Гончарова начинают одолевать сомнения в целесообразности отдельного издания романа, он охладевает к этому проекту и за работу над ним так и не садится. И все же в начале декабря в типографию отдается журнальный экземпляр «Обрыва» со вшитыми белыми страницами, содержащими авторскую правку,⁷ а в середине февраля 1870 года первое отдельное издание романа выходит в свет.

По сравнению с журнальным вариантом Гончаров внес в текст свыше двухсот семидесяти изменений. По большей части они касаются авторских ремарок в диалогах персонажей. Как правило, снимаются выражения типа «сказал он», «ответила она», убираются отдельные реплики, уточняются определения; кое-где сокращают-

⁵ РГАЛИ. Ф. 191. Оп. 1. Ед. хр. 142. Л. 3—4. Указанные Гончаровым опечатки были исправлены.

⁶ См. письмо Гончарова к М. М. Стасюлевичу от 10 мая 1869 года (М. М. Стасюлевич и его современники в их переписке. СПб., 1912. Т. 4. С. 74).

⁷ См. письмо Гончарова к С. А. Никитенко от 2 декабря 1869 года (ИРЛИ. Ф. 134. Оп. 8. Ед. хр. 11. Л. 108—109, об.).

ся перечисления. Существенных сокращений текста всего два; каждое — в пределах одной страницы.

В целом же логика исправлений ясна: не пытаюсь кардинально «перекраивать» свой роман, Гончаров стремился сделать его динамичнее, или, как он сам говорил, «выпустить из него воду». Случайных изменений, похожих на опечатки, немного, и они, как правило, не несут серьезной смысловозначительной нагрузки.

Несмотря на тщательность корректур, которые читал сам автор, в это издание все же проникло немало «глазных» опечаток. Гончаров жаловался на них в письме к М. М. Стасюлевичу от 24 февраля 1870 года: «К сожалению, ошибок не мало, но я немного тут виноват. Фактор типографии вчера передал мне оригинальное извещение корректора: „роман, говорит, очень занимателен, так что нет-де возможности следить за ошибками, читая его“. Это, конечно, приятный комплимент, но от этого не легче. Главная причина та, что наборщики всё мальчишки, а метр-ан-паж — юноша: я держал две корректуры и нередко замечал во 2-й корректуре те же ошибки, которые поправлены были в первой. Но однако же не до безобразия много ошибок».⁸ Действительно, издание 1870 года (далее — *Изд. 1870*) подготовлено менее тщательно, чем журнальная публикация, но почти все опечатки носят слишком явный характер (перевернутые литеры, повторение слов и т. п.), а очевидных пропусков набора нет. Поэтому, несмотря на мелкие огрехи, текст *Изд. 1870* можно принять как достоверный факт проявления творческой воли его автора.

Следующее издание «Обрыва» появилось спустя двенадцать лет. Это были непростые годы для Гончарова: он замкнулся в узком дружеском кругу и практически отошел от литературы. У писателя развилась болезненная мнительность и необоснованные страхи — все это нашло отражение в исповедальной «Необыкновенной истории», созданной во второй половине 1870-х годов. На предложения переиздать его сочинения Гончаров отвечал неизменным отказом. «...Я считаю себя уже отшедшим, прошлым, а не современным писателем, — признавался он П. Г. Ганзену 12 марта 1878 года, — ввиду того как изменилось литературное направление, вкус, требования и т. д., и потому я не возобновляю издания своих сочинений, хотя их давно, кроме „Обрыва“, в продаже нет, и даже нет и у меня самого, в моей маленькой библиотеке».⁹ О нежелании переиздавать свои романы он заявлял и публично в статье «Лучше поздно, чем никогда» (1879); отражены подобные свидетельства и в мемуарной литературе.¹⁰ Возможно, на это повлиял и относительный коммерческий неуспех отдельного издания «Обрыва»: из пятитысячного тиража за пять лет было распродано немногим более трех тысяч экземпляров.¹¹

Единственная книга, которую Гончаров переиздал в 1870-е годы, была «Фрегат „Паллада“» (1879), и то писатель пошел на это во многом из-за сложных домашних обстоятельств.¹² Текст для нового издания был тщательно пересмотрен, к каждому тому был приложен составленный Гончаровым список опечаток, что лишний раз свидетельствует о дотошности писателя и его внимании к сугубо эдичионным проблемам.¹³

В конце 1882 года в жизни Гончарова произошло важное событие, значительно повлиявшее на его дальнейшую судьбу: 22 октября состоялась его аудиенция у им-

⁸ М. М. Стасюлевич и его современники в их переписке. Т. 4. С. 97.

⁹ Гончаров И. А. Собр. соч.: В 8 т. М., 1980. Т. 8. С. 460—461.

¹⁰ См.: И. А. Гончаров в воспоминаниях современников / Подг. текста и примеч. А. Д. Алексеева и О. А. Демиховской. Л., 1969. С. 160—161, 252. Полную сводку свидетельств см.: Гейро Л. С. История создания и публикации романа «Обломов» // Гончаров И. А. Обломов / Изд. подг. Л. С. Гейро. Л., 1987. С. 631—634 («Лит. памятники»).

¹¹ См.: М. М. Стасюлевич и его современники в их переписке. Т. 4. С. 131.

¹² Вырученные деньги писатель внес за обучение А. К. Трейгут, дочери своего слуги, умершего в 1878 году.

¹³ В письмах разных лет мы можем найти свидетельства и его заботы о внешней стороне книги: качестве бумаги, красоте шрифта и т. п.

ператора Александра III. Вот как сам писатель рассказывал об этом в письме к А. Ф. Кони от 11 ноября 1882 года: «...я до сих пор еще нахожусь под обаянием благосклонного приема. (...) ...я удостоен был приема наедине и несколько минут доброго, ласкового разговора. Я вышел совершенно очарованный: мне как будто подвязали крылья. Вы как будто угадали, говоря в письме, что мне надо бы „повелеть“ издать мои книги: хотя повеления не было, или если было, то в форме вопроса: „печатаю ли я свои сочинения?“ Я конечно поспешил отвечать утвердительно, и даже испросил позволения сам лично представить их, когда они будут готовы. Вследствие этого, неделю тому назад, я подписал контракт, которым уступаю мое авторское право на все сочинения Глазунову (...). Но об этом прошу пока не говорить никому, чтобы через провинциальную печать не дошло до здешних газет, которые разболтают прежде времени, а между тем книги выйдут в печать вероятно не ближе осени».¹⁴ Тем не менее сведения о подготовке нового издания были обнаружены практически сразу же; об этом сообщалось в юбилейном каталоге книготорговой фирмы Глазуновых.¹⁵

Итак, в начале ноября 1882 года Гончаров подписывает договор с книгопродавцем И. И. Глазуновым, передает ему права на свои сочинения, однако желает переиздать их не раньше, чем через год. Такой большой срок понадобился, вероятно, потому, что мнительный и требовательный к себе писатель хотел пересмотреть и исправить тексты романов. По свидетельству С. Ф. Либровича (к воспоминаниям которого, впрочем, нельзя относиться с полным доверием), Гончаров однажды сказал, что если бы он собрался заново выпустить свои сочинения, то «следовало бы кое-что исправить, переделать, сократить...»¹⁶

Сразу нужно сказать, что никаких документальных свидетельств о степени и характере участия Гончарова в работе над новым изданием мы не имеем. До нас дошло ни одного наборного оригинала, ни одной корректуры, ни одного свидетельства в переписке писателя или воспоминаниях о нем. Поэтому, пытаясь реконструировать историю издания 1883 года (далее — *Изд. 1883*), мы неизбежно вынуждены вступить в область догадок и предположений.

В начале декабря у Гончарова резко усиливается болезнь глаз. Его правый глаз полностью перестает видеть, в левом усиливаются боли. На боли в глазах писатель начал жаловаться еще в середине 1860-х годов. «...Я (...) покидаю свое служебное поприще, — говорит он в письме к брату от 29 декабря 1867 года, — потому что нездоров: (...) прочитал буквально глаза, и теперь читаю и пишу плохо, слепо...»¹⁷ Один из мемуаристов, рассказывая о встрече с Гончаровым в 1880 году, передает его слова о том, что ему «глаза (...) плохо служить стали».¹⁸ После же обострения конца 1882 года писатель, по его словам, «должен был совсем оставить чтение».¹⁹ В редких письмах первой половины 1883 года он жалуется на боли в глазу, на то, что почти ослеп и боится ослепнуть окончательно. 8 января 1883 года в газете «Голос» было напечатано письмо Гончарова к издателю газеты А. А. Краевскому с благодарностью всем, кто его поздравил с 50-летием литературной деятельности, которое праздновалось в конце декабря 1882 года в узком кругу близких писателю лиц, но сведения о котором тем не менее проникли на страницы газет. В качестве

¹⁴ Лит. наследство. 2000. Т. 102. С. 479.

¹⁵ См.: Краткий обзор книжной торговли и издательской деятельности Глазуновых за сто лет. 1782—1882. СПб., 1883. С. 62. 2-я паг. (Книга вышла в конце 1882 года, дата ее цензурного разрешения: 16 декабря.)

¹⁶ И. А. Гончаров в воспоминаниях современников. С. 160.

¹⁷ Новое время. 1912. 30 июня (13 июля). № 13038. С. 7; курсив Гончарова. Здесь это письмо опубликовано с неточной датой: 1864 год.

¹⁸ N. N. Воспоминания о И. А. Гончарове // Петербургская газета. 1891. 18 сент. № 256.

¹⁹ Примечание к рукописи воспоминаний «В университете» (цит. по: *Гейро Л. С.* История создания и публикации романа «Обломов». С. 634).

оправдания за свой отказ праздновать юбилей публично Гончаров писал следующее: «Этому воспрепятствовала (...) внезапно постигшая меня, в первых числах декабря, болезнь глаз, происшедшая от непрестанного чтения, особенно при вечернем освещении. Одним глазом я совсем перестал видеть, в другом почувствовал боль. Это продолжается и поныне, несмотря на все принятые врачами меры. Мне строго воспрещены чтение, писание и всякие сильные волнения».²⁰ Пересылая это письмо Краевскому, Гончаров писал также: «...отвечать на (...) письма я, как видите, не могу — (пишу, глядя в сторону)...»²¹ Часть писем он был вынужден диктовать; в одном из них писатель даже извинялся за это: «К сожалению, я теперь страдаю сильной болезнью глаза, — писал он 17 февраля 1883 года Е. А. Гончаровой, жене своего племянника, — и не могу, как бы хотелось, собственноручно прибавить к этому письму, которое должен диктовать, более живые выражения моих добрых пожеланий вам обоим с мужем».²² О том, что доктора запретили ему писать, Гончаров сообщает и в письме к А. А. Толстой от 14 апреля.²³

Более того, в начале 1883 года Гончаров был вынужден нанять чтицу, в качестве которой ему была рекомендована писательница Л. Ф. Нелидова. Позднее она вспоминала, как каждое утро приходила к Гончарову читать ему свежий номер «Нового времени». «Он был неразговорчив, — свидетельствовала Нелидова, — казался удрученным и озабоченным. Главная забота была болезнь».²⁴ Далее она отмечала, что по вечерам писателю «читал еще кто-нибудь другой».²⁵ Посещавший Гончарова в этот период А. Ф. Кони писал М. Г. Савиной 16 февраля: «Злой недуг сокрушил его и жадно гложет. Он омрачил его зрение, и мне тревожно думается, что смерть уже понемногу распространяет над его старую заслуженно головою свое черное крыло. (...) Навестите! утешьте старика. (...) Тороплю Вас потому, что третьего дня мне особенно бросилась в глаза подавленность и близость разрушения в этом старце...»²⁶ Ясно, что в таком состоянии работать над текстами романов писатель никак не мог.

В начале июня, мучимый также гриппом и бронхитом, Гончаров уезжает на отдых в Дуббельн, откуда возвращается в конце августа. До нас дошло всего лишь три письма того времени; все они проникнуты теми же настроениями, что и предыдущие. «Я смотрю в зеркале, в ванне, на себя и ужасаюсь, — пишет Гончаров М. М. Стасюлевичу и А. Ф. Кони 14 июня, — я ли этот худенький, желто-зеленький, точно из дома умалишенных выпущенный на руки родных старичок, с красным, слепым глазом, с скорбной миной, отвыкший мыслить, чувствовать, и способный только просить пить, есть (...) Ужас!»²⁷ Пишет он также о плохой погоде, о том, что его одолевает скука, о редких прогулках по берегу моря, — о подготовке же своих сочинений к переизданию нет ни слова. Нет об этом ни слова и в письмах, написанных им и по возвращении в Петербург, зато в них Гончаров периодически жалуется на болезнь глаз. Кроме того, почти весь сентябрь в квартире писателя продолжается ремонт, а в начале октября он вновь заболевает бронхитом.

Известно, что все три гончаровских романа вышли в свет 7 декабря. Следует отметить, что издательский цикл *Изд. 1870* занял около ~~четырёх~~ месяцев: 2 ~~ноября~~

²⁰ Цит. по: Русская старина. 1912. № 6. С. 514.

²¹ Там же. С. 513.

²² Вестник Европы. 1908. № 12. С. 419.

²³ См.: Лит. наследство. Т. 102. С. 428.

²⁴ *Нелидова Л. Ф.* Воспоминания о Гончарове и Тургеневе // Лит. наследство. 1977. Т. 87. С. 32; курсив наш. — А. Б.

²⁵ Там же.

²⁶ *Кони А. Ф.* Собр. соч.: В 8 т. М., 1969. Т. 8. С. 56—57.

²⁷ Лит. наследство. Т. 102. С. 486. Немного позднее в Дуббельн приезжает Кони, 21 июля писавший С. А. Андреевскому о Гончарове: «Я просто поражен его умственным и физическим разрушением (...). Когда я приехал, он, было, просил по-старому и оживился, но теперь снова погас» (*Кони А. Ф.* Собр. соч. Т. 8. С. 62).

Трёх

генерал

1869 года Гончаров просил С. А. Никитенко отвезти в типографию готовый оригинал;²⁸ в двадцатых числах февраля роман вышел в свет, причем Гончаров подчеркивал, что доволен «всею более поспешностью типографии».²⁹ Исходя из этого можно предположить, что в 1883 году оригиналы нового издания должны были быть отданы издателю не позднее августа, то есть именно тогда, когда писатель находился в Дуббельне, или же еще раньше. Следовательно, текст романов Гончаров мог готовить лишь в первой половине года, т. е. именно тогда, когда сам писатель и окружавшие его люди свидетельствовали о его болезненном состоянии, об упадке духа и — самое главное — о врачебном запрете, да и просто о физической невозможности ни читать, ни писать. Трудно также предположить, что Гончаров был в состоянии следить за исправностью корректур. По сути, у него было на это немногим более двух месяцев (считая с момента возвращения), так как не позднее середины ноября предварительный издательский цикл (набор, чтение корректур, внесение правки и верстка) всех пяти томов должен был завершиться.³⁰ Напомним, что объем всех трех романов составляет около восьмидесяти авторских листов. Выполнить такую громадную работу за такое короткое время едва ли было бы под силу и здоровому человеку.

Таким образом, если исходить из сугубо биографических фактов, то можно сделать следующий вывод: *Гончаров не был в состоянии ни готовить тексты переиздающихся романов, ни следить за корректурами; у него не было для этого ни сил, ни времени.*

Несомненно, у Гончарова был помощник, человек, которому писатель полностью доверял, который и готовил к набору оригиналы, и читал корректуры. Почти не рискуя ошибиться, мы можем утверждать, что этим человеком была Софья Александровна Никитенко.

Никитенко была не просто близким другом и помощником писателя. Он всегда ценил ее вкус, уважал ее мнение. «Вы знаете ближе и подробнее самого меня весь роман до конца, — писал ей Гончаров 28 октября 1868 года, в разгар работы над последней частью «Обрыва», — и можете сделать бездну полезных указаний, замечаний, советов (...). Потом Вы обратили внимание и на анахронизмы (...). А этого всего много должно быть в этой куче тетрадей, т. е. недомолвок, ошибок, несообразностей и проч.»³¹ С подобной просьбой Гончаров обратился к Никитенко и при подготовке журнальной публикации романа. Софья Александровна параллельно с Гончаровым просматривала корректуры и делала поправки, причем ее замечания были писателю очень важны.³² Большую помощь оказала Никитенко и при публи-

²⁸ См.: ИРЛИ. Ф. 134. Оп. 8. Ед. хр. 11. Л. 108.

²⁹ Письмо к М. М. Стасюлевичу от 24 февраля 1870 года (М. М. Стасюлевич и его современники в их переписке. Т. 4. С. 97).

³⁰ На самом же деле издательский цикл завершился, по всей вероятности, еще в октябре. Под небольшим предисловием, открывающим первый том издания — «Обыкновенную историю», стоит дата «Октябрь 1883». Предисловие это отпечатано на вклеенном в блок листе, следовательно, к октябрю издание было уже сверстано.

³¹ Гончаров И. А. Письма к С. А. Никитенко / Публ. Л. С. Гейро // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1976 год. Л., 1978. С. 186.

³² Так, он однажды пошел на прямой конфликт со своим редактором М. М. Стасюлевичем, поспешившим отдать на правку корректуру одной из глав романа до того, как на нее были перенесены поправки Никитенко. «...Вы (...) советовали мне делать поправки *самому*, без посторонних, — писал ему Гончаров 2 февраля 1869 года. — Я бы рад был: что за охота тревожить других, да иногда в такой куче печатных слов и не усмотришь. — Ведь мы уговорились, что печатать без доставки от С(офьи) А(лександровны) не станут... (...) С(офья) А(лександровна) не „доставила“, говорите Вы, я и рассчитывать на такое снисхождение с ее стороны не смею, чтобы она с поправками сейчас бежала к Вам в Галерную. (...) Повторю, у нас с Вами было положено, что до получения от С(офьи) А(лександровны) дублетов к печати не приступать. Так было и с первыми двумя частями» (М. М. Стасюлевич и его современники в их переписке. Т. 4. С. 65).

кации первого отдельного издания романа. В письме от 19 августа 1869 года Гончаров просил ее взять на себя «труд (...) издания „Обрыва“ отдельно, но так, чтоб я только прочел одну корректуру, а все прочее, как литературный присмотр, так и ведение дела с типографией (...), все взяли бы в свои добрые, умелые и добросовестные руки».³³

Подобную работу Никитенко выполнила и в 1883 году при подготовке к переизданию всех трех романов. Об этом есть косвенное свидетельство самого Гончарова. В своем завещании он записал в виде отдельного параграфа следующее: «Означенные (...) в пункте III-м три тысячи четыреста рублей завещаю (...) Екатерине и Софье Александровне Никитенко по равной части, покорнейше прося их принять эту сумму как слабое вознаграждение за их помощь, как по изданию в свет моих сочинений, особенно со времени ослабления моего зрения, так и за участие их, принимаемое ими ныне и обещанные будущие попечения и труды по воспитанию и образованию (...) сирот, малолетних воспитанниц моих девиц Александры и Елены Трейгута».³⁴

Забота о детях покойного слуги Гончарова Карла Трейгута лежала в основном на Е. А. Никитенко, о чем свидетельствуют сохранившиеся письма Гончарова к ней. Она не была близким другом писателя, и к концу 1860-х годов он уже не посвящал ее в свои творческие замыслы, и более того, при завершении «Обрыва» даже просил Софью Александровну присланные ей для переписки фрагменты романа не показывать сестре.³⁵ Таким образом, мы можем утверждать, что работа по подготовке к переизданию в 1883 году «Обыкновенной истории», «Обломова» и «Обрыва» была проведена именно С. А. Никитенко, и без помощи сестры.

Любопытна также формулировка цитированного выше фрагмента завещания, подписанного и заверенного 22 мая 1883 года, незадолго до отъезда писателя в Дуббельн. Упомянув об участии сестер Никитенко в судьбе его воспитанниц, Гончаров говорит о настоящем и будущем этом участии («...за участие их, принимаемое ими ныне и обещанные будущие попечения и труды...»); упоминая же об издании своих сочинений, писатель говорит о нем как об уже свершившемся факте, хотя до выхода его в свет было почти полгода («...вознаграждение за (...) помощь (...) по изданию в свет моих сочинений...»). Отметим еще раз: он благодарит сестер не за будущую помощь, а просто за помощь, т. е. за ту, которая (если подходить к тексту сугубо формально) к моменту составления завещания уже была оказана. Не означает ли это, что к 22 мая тексты всех трех романов, подготовленные С. А. Никитенко, были уже в типографии и что Гончаров, следовательно, основную часть работы по изданию считал завершенной?

Какая же работа была проведена над текстом «Обрыва» при подготовке его к переизданию?

Если положить рядом *Изд. 1870* и *Изд. 1883*, то сразу же бросается в глаза значительное увеличение в последнем количества абзацев. Особенно это заметно в тех главах, где практически отсутствуют диалоги. К примеру, во II главе I части *Изд. 1870* десять абзачных отступов, а в *Изд. 1883* их тридцать шесть; абсолютно такая же пропорция в V главе II части; в V главе IV части соответственно двадцать девять и семьдесят один; в XVIII главе V части соответственно тридцать четыре и шестьдесят три. Нельзя не заметить, что деление на абзацы произошло порою совершенно механически. Так, нередко разделяется длинная реплика или реплика и авторская ремарка (причем в последнем случае иногда перед ремаркой сохраняется тире, которое ранее отделяло ее от реплики). По крайней мере, творческими соображениями подобное членение мотивировать затруднительно; обычно к этому

³³ Гончаров И. А. Письма к С. А. Никитенко. С. 186.

³⁴ РНБ. Ф. 209. Ед. хр. 2. Л. 5—5, об.

³⁵ См. письмо к С. А. Никитенко от 13 (25) июля 1868 года (Гончаров И. А. Письма к С. А. Никитенко. С. 198).

прибегают в тех случаях, когда нужно максимально «разогнать» текст либо же «вбить» его в определенный объем.³⁶

Вторая особенность *Изд. 1883* — это максимально возможный отказ от кавычек при оформлении отдельных реплик или внутренней речи персонажей. В большинстве подобных случаев кавычки снимаются и заменяются на тире в начале фразы, или даже на абзац и тире. Эти замены подчас приводят к тому, что часть реплики, принадлежащей персонажу, переадресовывается автору, и наоборот. Вот один пример из XV главы I части романа: «Доктора положили свой запрет на нетерпеливые желания. „Надо подождать, — говорили им, — три месяца, четыре”». Так этот фрагмент печатается во всех современных изданиях. Между тем в *Изд. 1870* кавычки закрываются после слова „подождать”, и, следовательно, слова «три месяца, четыре», согласно замыслу автора, принадлежат не докторам, а рассказчику.

Нельзя не обратить внимания и на пунктуацию *Изд. 1883*. Она стала более хаотичной: часто восклицательный знак меняется на вопросительный и наоборот, тире меняется на двоеточие и наоборот, и т. п. Заменяются на точку с запятой и характерные для Гончарова двоеточия, которые тот, согласно традиции начала XIX века, употреблял для разделения частей сложного предложения.³⁷ Наиболее же заметны две тенденции: 1) большие предложения дробятся на несколько маленьких; 2) в репликах персонажей первая буква слова, идущего вслед за восклицательным или вопросительным знаком, делается прописной.

При этом хаотичность пунктуации (иногда в совокупности с мелкими лексическими заменами) нередко меняет смысл сказанного, а то и вообще обесмысливает текст. Вот примеры:

1) Часть II, глава XIII. Реплика Марфиньки, рассказывающей о бабушке. *Изд. 1870*: «А когда ошибется в чем-нибудь, никогда не сознается: гордая! Бабушка! Она лучше всех здесь...». *Изд. 1883*: «А когда ошибется в чем-нибудь, никогда не сознается: гордая бабушка! Она лучше всех здесь...» Казалось бы, мелочь — выпадение восклицательного знака и замена прописной буквы на строчную, но изменившаяся интонация фразы влечет за собой заметное изменение общего смысла высказывания.

2) Часть II, глава XX. Меняется интонация и следующих размышлений Райского: «А не в рабочей сфере, повыше? Где у нас дело, которое бы каждый делал, так сказать, облизываясь от удовольствия (...)»? (*Изд. 1870*), которые в *Изд. 1883* звучат так: «А не в рабочей сфере — повыше, где у нас дело, которое бы каждый делал, так сказать, облизываясь от удовольствия (...)»?.

3) Часть II, глава XXII. Сентенция Райского: «Мудрость... (...) это гармония идей с жизнью!» (*Изд. 1870*) меняется на нелепое: «Мудрость... (...) это гармония, идея с жизнью!» (*Изд. 1883*).³⁸

Порой знаки препинания в *Изд. 1883* вставлялись и переставлялись совершенно бессмысленно, даже если принять во внимание «неудовлетворительное состояние русской пунктуации» в течение всего XIX века.³⁹ Вот два показательных случая, взятых из главы IV части I (вставленные в *Изд. 1883* знаки препинания поставлены в скобки): «Что (,) делать!»; «— Да... конечно, задумавшись сказала она (!) — Как

³⁶ Укажем также, что в текст, содержащий большое количество абзацев, наборщику внести правку удобнее, чем в текст, набранный без абзацев.

³⁷ В первой половине XIX века двоеточие употреблялось в том числе и «для отделения частей многосложного периода, когда в какой-нибудь его части или в обеих употребить должно точку с запятой для отделения членов» (*Филомавитский Е.* О знаках препинания вообще и в особенности для российской словесности // *Сочинения в прозе и стихах: Труды о-ва Любителей российской словесности при Имп. Московском ун-те. 1822. Ч. 2. С. 123*).

³⁸ Эта фраза осталась неисправленной и в последнем издании «Обрыва».

³⁹ *Шапиро А. Б.* Основы русской пунктуации. М., 1955. С. 40.

же?». Забегая вперед, отметим, что все это без изменений перешло и в следующее издание романа.

Обратимся теперь к лексическим разночтениям текстов *Изд. 1870* и *Изд. 1883*. Во всем романе их не менее двухсот пятидесяти.⁴⁰ Казалось бы, эта цифра говорит о том, что Гончаров, готовя *Изд. 1883*, провел большую творческую работу. Но если присмотреться к этим разночтениям повнимательнее, то мы вынуждены будем прийти к противоположному выводу.

Во-первых, ряд этих замен как нивелирует особенности гончаровской лексики,⁴¹ так и входит в противоречие со сходными мотивами из других его произведений, да и просто с элементарной сюжетной логикой. Вот несколько примеров.

1) В письме бабушки Райскому (часть I, глава XVI) в *Изд. 1870* два раза употреблена устаревшая форма слова «внучка» — «внука»; в *Изд. 1883* первая «внука» меняется на «внучку», а вторая, находящаяся несколькими строками ниже, остается без изменения.

2) Говоря о студенческих годах Райского и Козлова (часть II, глава VI), Гончаров упоминает пансион, который «экономом какого-то казенного заведения в Москве держал для приходящих студентов», объясняя, что студентов туда «привлекали не одни щи, каша, лапша, макароны, блины и т. п. из казенной капусты, крупы и муки, не дешевизна стола, а также и дочь экономом (будущая жена Козлова Улинька. — А. Б.), которая управляла и отцом и студентами». Так этот фрагмент читается в *Изд. 1870*; в *Изд. 1883* исчезает слово «каша». Между тем без этого слова становится непонятен другой пассаж из той же главы, где на вопрос своей жены, обращенный к Райскому, приехавшему на родину после долгих лет петербургской жизни: «Вы не забыли меня: помните?», — Козлов отвечает сам: «Еще бы не помнить! (...) Если ее забыл, так кашу не забывают...»

3) В тексте романа несколько раз упоминается второстепенный персонаж, ни разу не появляющийся на сцене — подруга Софьи Беловодовой Катринь. Именно так (т. е. по-русски) писалось ее имя и в тексте «Вестника Европы», и в *Изд. 1870*. В *Изд. 1883* оно написано везде по-французски — Catherine. Логика этой замены трудно объяснить, в частности потому, что имя Катринь однажды встречается и в более позднем гончаровском произведении — очерках «Слуги старого века» (1888), где так же, как и в первых изданиях «Обрыва», пишется по-русски.

4) В IV главе IV части лакей Егорка приглашает девок посмотреть в щель, которую он «провертел» в «перегородке, отделявшей кабинет Райского от коридора»: «— Ну, девки, покажу я вам диковину!» В *Изд. 1883* «диковина» меняется на «диковинку». Между тем в готовившемся параллельно с «Обрывом» переиздании «Обломова» семь раз употреблена форма «диковина» (причем шесть раз это слово вложено в уста лакея Захара) и нет ни одной формы «диковинка».

Кроме того, более половины разночтений касаются одной, двух или трех букв в слове или мелких слов. Вот характерные примеры: «сохраняли» / «сохранили»; «сигарка» / «сигара»; «кучка» / «куча»; «колена» / «колени»; «забывать» / «забыть»; «на руках» / «в руках» и т. п. Если взглянуть на список этих разночтений, то он разительно напомнит упоминавшийся выше список опечаток к десяти томам «Сочинений» И. С. Тургенева. И там и здесь мы находим выпадение союзов, замены союза «а» на «и» и наоборот, замену причастия на глагол прошедшего времени, изменение глагольных форм, замену приставок, исчезновение или появление суффиксов и т. д. и т. п.

⁴⁰ Нужно оговориться, что ряд разночтений, не влияющих на смысл и стиль текста, нами не учитывался, как и явные, «глазные» опечатки (о них — позднее).

⁴¹ Уже сто лет назад один из исследователей отмечал, что «часто переписчик или наборщик дают свою орфографию тексту, так как более или менее общепринятая орфография Я. К. Грота явилась не слишком давно» (Чернышев В. И. Заметки о языке басен и сказок В. И. Майкова // Памяти Леонида Николаевича Майкова. СПб., 1902. С. 127).

Можно возразить, что эти совпадения — простая случайность. Но если все подобные изменения в тексте а priori принять за гончаровские, то логично признать, что он работал над текстом чрезвычайно внимательно и дотошно, так как при беглом чтении на подобных мелочах взгляд обычно не задерживается. Тогда нам необходимо попытаться выяснить, на каком этапе могли возникнуть эти разночтения. Здесь могут быть два варианта: либо они появились в процессе подготовки оригинала (в данном случае — *Изд. 1870*) к набору, либо эти поправки вносились прямо в корректуру.

Вероятность того, что Гончаров собственноручно готовил текст к переизданию, крайне невелика. Такой вывод мы можем сделать на основании того, что ряд опечаток *Изд. 1870* в *Изд. 1883* не только не исправлен, но даже усугублен. Те из них, которые можно было бы выправить, исходя из логики повествования или просто заглянув в «Вестник Европы», «осмысляются», тем самым грубо искажая ход авторской мысли. Вот один показательный пример. В V главе I части рассказ Райского о его знакомой актрисе, которая села писать пьесу, никак не могла дойти до развязки и бросила это занятие, заканчивается следующими словами: «...а если б она писала роман, то может быть и не бросила бы. И лица у ней всё разговаривали бы до сих пор». В *Изд. 1870* в последнюю фразу вкралась нелепая опечатка: слово «ней» повторено два раза. Что же мы видим в *Изд. 1883*? Вместо того, чтобы просто удалить второе «ней», редактор (наборщик, корректор) переправляет его на «не», отчего фраза приобретает совершенно абсурдный характер.

Вряд ли может быть достоверна и гипотеза о том, что все изменения Гончаров вносил в корректуру. Мы помним, что писатель считал себя неплохим корректором, и любую, даже самую ничтожную опечатку воспринимал крайне болезненно. Однако *Изд. 1883*, особенно первая часть романа, буквально кишит опечатками. Если учитывать только так называемые «глазные» опечатки, то в первой части романа их можно насчитать около тридцати⁴² (для сравнения: в тексте первой части «Вестника Европы» их по самому строгому счету всего четыре).

Нередки также пропуски частей фраз и целых фраз (так называемые «козлы»), а в одном случае выпала целая строка. Мы уже не говорим о такой «мелочи», как то, что во II части романа *Изд. 1883* насчитывается три главы под номером XIII (двумя дополнительными «тринадцатыми» главами стали главы XVII и XVIII) — эта ошибка перешла по наследству из предыдущего издания. Также нельзя пройти мимо того факта, что в главах, где допущено наибольшее количество опечаток (мы имеем в виду I и V главы I части романа), содержится и наибольшее количество разночтений. Может ли это являться простым совпадением? Думается, вряд ли.

Однако в *Изд. 1883* есть и следы творческого вмешательства в текст. В XIII главе III части романа имеется вставка — обмен репликами между бабушкой и Марфинькой. Вот этот фрагмент:

«— Марфинька, иди скорей, — сказала бабушка, — не прятаться надо, а Богу молиться, гром и не убьет!

— Я этого не боюсь, — сказала Марфинька, — гром бьет все больше мужиков, — а так, просто страшно!»⁴³

⁴² Это примерно столько же, сколько во всем тексте «Фрегата „Паллада“» издания 1879 года, к которому был приложен составленный Гончаровым список опечаток. Любопытно, что две опечатки из этого списка, имеющие «осмысленный» характер, остались неисправленными во всех последующих трех переизданиях книги.

⁴³ Попробуем обосновать гипотезу, объясняющую появление этого фрагмента в *Изд. 1883*. Метранаж, производивший верстку издания, явно не обладал большим опытом и поэтому старался не допустить появления «висячих» строк, меняя высоту полосы набора. Так, в *Изд. 1883*, стандартная высота полосы набора которого тридцать три строки, содержится немало полос высотой в тридцать две строки (мы не считаем спусковые и концевые полосы): к примеру, в III части (где содержится указанный фрагмент) таких полос около четверти от общего числа. (К слову отметим, что в *Изд. 1886* четко выдерживается высота полосы в тридцать три строки;

Рука редактора видна и в IV, и в V частях романа. Так, в III главе V части три раза подряд снято обращение Веры к Райскому — «брат», а в последней главе IV части смягчена реплика Райского, обращенная к Крицкой. Остальные же разночтения между *Изд. 1870* и *Изд. 1883* можно списать на погрешности, допущенные при прохождении последним редакционно-издательского цикла.

Чтобы окончательно убедиться в этом, достаточно сравнить изменения *Изд. 1883* с теми, что были внесены Гончаровым в текст, который он успел подготовить для переиздания своих романов 1883 года. Мы имеем в виду первую главу романа «Обыкновенная история».⁴⁴

В основном правка, которую Гончаров внес в текст этой главы, захватывает большие его фрагменты. Снимаются, заменяются и добавляются целые куски, реже фразы, еще реже — фрагменты фраз и отдельные выражения. Замен, касающихся одной, двух или трех букв, — ничтожное количество, и они совершенно не показательны. Всего же в главу объемом около одного авторского листа Гончаров внес свыше тридцати изменений. Если бы писатель продолжил работу над романом даже с меньшей интенсивностью, то, следуя статистике, в весь текст «Обыкновенной истории» было бы внесено около четырехсот поправок. Однако, если не учитывать I главу и первые две страницы II-ой, то в остальном тексте романа *Изд. 1883* мы находим лишь около восьмидесяти расхождений с текстом, по которому он набирался; при этом пятнадцать из них в академическом «Полном собрании сочинений» Гончарова трактуются как искажения текста и исправляются по предыдущим изданиям. Остальные же шестьдесят с небольшим имеют тот же характер, что и разночтения между *Изд. 1870* и *Изд. 1883*.

Резонно задать вопрос: почему Гончаров в I главу «Обыкновенной истории» (объемом в один авторский лист) внес свыше тридцати изменений, а в остальной текст романа (объемом в тринадцать авторских листов) — немногим более шестидесяти? Почему большая часть правки I главы затрагивает значительные фрагменты текста, а подавляющее количество изменений в остальной части романа — это изменения одной, двух либо трех букв в слове или мелких слов?⁴⁵ Ответ можно дать только один: Гончаров над этим текстом не работал. Как не работал он и над текстом *Изд. 1883*.

Изменения, которые мы наблюдаем в *Изд. 1883*, Б. М. Эйхенбаум назвал в свое время искажениями «технического происхождения». «Таковы (...) пропуски отдельных маленьких слов, — писал он, — перескоки при повторениях слов и фраз и

в той же III части романа мы заметили лишь шесть полос высотой в тридцать четыре строки — это было сделано также «в борьбе» с «висячими» строками.) Интересующий нас фрагмент занимает в *Изд. 1883* четыре строки: две строки находятся в конце полосы 124 (левой), две — в начале полосы 125 (правой). Кроме того, в следующую за этим фразу вставлено два слова («между тем»), что без проблем разгоняет ее на две строки и избавляет от последнего «виснувшего» слова. Все это наводит на мысль, что в процессе верстки в этом месте могла быть допущена ошибка (так как высота набора по всей книге строго не выдерживалась и делалась если не «на глаз», то, по крайней мере, строго не выверялась), и одна из полос либо обе оказались короче на четыре строки. Дабы исправить эту погрешность, корректор (или метранпаж) мог обратиться к автору с просьбой «заполнить» образовавшуюся «дыру». Возможность этого не покажется невероятной, если вспомнить издательскую историю «Миргорода», когда Гоголь, сняв по требованию цензуры небольшое предисловие к «Повести о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем», был вынужден, чтобы избежать переверстки книги, дописать конец «Вия» (см.: *Гоголь Н. В.* Полн. собр. соч.: В 14 т. Л., 1937. Т. 2. С. 733).

⁴⁴ Анализ движения текста «Обыкновенной истории» показывает, что Гончаров до болезни успел подготовить I и начало II главы этого романа. Характер произведенных им изменений свидетельствует о том, что писатель, очевидно, готовился серьезно пересмотреть тексты всех трех романов (что согласуется с приведенными выше словами С. Ф. Либровича), но был застигнут болезнью в самом начале этой работы.

⁴⁵ Среднестатистическое количество изменений в текстах романов *Изд. 1883* таково: «Обыкновенная история» (кроме I главы) — пять изменений на один авторский лист; «Обломов» — четыре изменения на один авторский лист; «Обрыв» — семь изменений на один авторский лист.

при соседстве слов с одинаковыми окончаниями, нивелировка фонетических и других языковых особенностей подлинника, непривычных для переписчика, наборщика или корректора, и десятки других типических случаев (...). Нельзя думать, что такого рода „разночтения” представляют собой непременно результат авторской правки и что печатный текст надо оставлять неприкосновенным, а эти разночтения заносить в авторские „варианты”. В тех случаях, когда есть основания считать данное разночтение результатом авторской стилистической правки (т. е., например, когда эта правка поддерживается аналогичными примерами или другими фактами), редактор, конечно, может и должен ее принять, но отсюда вовсе не следует, что он должен механически принимать все разночтения за авторскую правку.⁴⁶ Не можем принять за авторскую правку подавляющее большинство разночтений между *Изд. 1870* и *Изд. 1883* и мы.⁴⁷

Но даже если большинство изменений, появившихся в *Изд. 1883*, все же признать за сознательные поправки, а не за погрешности набора и небрежности корректуры, то отнюдь не очевидно, что они принадлежат самому автору «Обрыва». Как мы видели выше, в период подготовки текста романа к переизданию Гончаров был болен и угнетен духом, и представить, что он в таком состоянии расставляет в наборном оригинале дополнительные абзацы и исправляет «показано» на «сказано», «опять» на «снова», «ветви» на «ветки», а «Кирюшку» на «Кирюшу» (а именно такой характер имеет подавляющее количество изменений в *Изд. 1883*), практически невозможно.

Но если все эти изменения не являются простыми типографскими погрешностями, могли ли они принадлежать С. А. Никитенко? Несомненно, могли.

Такой вывод можно сделать на основании дошедших до нас свидетельств того, как Никитенко обращалась с текстами, которые она готовила для печати. Мы имеем в виду прежде всего публикацию дневника ее отца — профессора Александра Васильевича Никитенко, являющегося, по словам исследователя, одним «из самых впечатляющих документов, какие оставила нам мемуарная литература XIX столетия».⁴⁸ Впервые этот дневник увидел свет на страницах журнала «Русская старина» (1888—1892); в 1893 году вышло его отдельное издание.

Подавляющее большинство подлинных тетрадей дневника не сохранилось. Вероятно, они были уничтожены самой Софьей Александровной, выполнившей завет отца, который просил, чтобы оригинал дневника не выходил за пределы семьи.⁴⁹ До нашего времени дошли лишь его небольшие фрагменты, но даже они позволяют судить о том, насколько грубо и бесцеремонно С. А. Никитенко вторгалась в текст, готовя его к публикации. И. Я. Айзеншток, подготовивший переиздание дневника во второй половине 1950-х годов, отмечал, что она не только произвольно выкиды-

⁴⁶ Эйхенбаум Б. М. Записка об основном тексте «Губернских очерков» М. Е. Салтыкова-Щедрина // Редактор и книга: Сб. статей. М., 1962. Вып. 3. С. 89.

⁴⁷ Показателен пример с изданиями тургеневских «Записок охотника». Достоверно известно, что писатель не работал над текстом их последнего прижизненного издания в составе «Полного собрания сочинений» (готовившегося, кстати, в том же 1883 году у того же Глазунова), но собирался сообщить для него «две-три опечатки»; также документально установлено, что текст этого издания набирался с отдельного издания 1880 года. Тем не менее между изданиями 1880 и 1883 годов имеется сорок значимых смысловых расхождений (на двадцать авторских листов текста), причем их анализ «не показывает (...) никаких заслуживающих внимания признаков дополнительной работы автора над текстом», и все они «производят впечатление случайных» (Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. Соч.: В 12 т. М., 1979. Т. 3. С. 444; примеч. А. Л. Гришунина). Вот примеры этих разночтений: «вся сама» / «сама вся», «прикидывать» / «прикладывать», «даже лежа в постели» / «лежа в постеле», «резко» / «резво», «глазками» / «глазами» и т. п.

⁴⁸ Вацуру В. Э. Между Сциллой и Харибдой // Вацуру В. Э., Гиллельсон М. И. Сквозь «умственные плотины»: Очерки о книгах и прессе пушкинской поры. Изд. 2-е, доп. М., 1986. С. 210.

⁴⁹ См.: Айзеншток И. Я. Дневник А. В. Никитенко // Никитенко А. В. Дневник: В 3 т. Л., 1955. Т. 1. С. XXXVII.

вала из него важные и значительные фрагменты и путала датировки, но и подвергала текст серьезной редактуре. «С. А. Никитенко в процессе переписки дневников, — отмечает исследователь, — систематически и строго, с пристрастием добросовестной учительницы русского языка института благородных девиц, „обрабатывала“ их, прежде всего стилистически, а затем и по существу», и более того, «в ряде случаев (...) грубо искажала и изложение самих фактов, и особенно высказывания А. В. Никитенко».⁵⁰ И далее в этой работе приводятся примеры подобного рода исправлений.

Здесь может возникнуть возражение: одно дело исправлять дневник своего отца, пытаясь выставить его в возможно лучшем свете, и другое — править текст художественного произведения, пусть принадлежащего перу близкого друга. Но посмотрим, как Никитенко обращалась с текстом «Обрыва». Напомним, что она копировала как минимум три последние части романа;⁵¹ именно с этих копий (правленных Гончаровым) и осуществлялся набор в «Вестнике Европы». Большая часть этой рукописи до нас не дошла; сохранились лишь две главы V части, не вошедшие в окончательный текст романа,⁵² а также и автографы Гончарова, с которых осуществлялось копирование.⁵³ Сравнив автографы и копии, можно сделать вывод, что Никитенко, переписывая текст «Обрыва», не только была довольно невнимательна, но иногда и вполне сознательно (впрочем, подчас оправданно, но эти случаи единичны) редактировала его.

Вот несколько примеров изменений, внесенных Софьей Александровной в текст этих глав. В автографе: «успокоения *Веры*», в копии: «успокоения *молодой девушки*»; в автографе: «*хоть не вся да уцелела*», в копии: «*хоть уцелела*»; в автографе: «как *всегда* эти мужчины», в копии: «как *все* эти мужчины»; в автографе: «в переулке *было* всего три дома», в копии: «в переулке *стояло* всего три дома»; в автографе: «*отомстил* (...) за его пренебрежение», в копии: «*отметил* (...) за его пренебрежение»; в автографе: «а она *не шла за него*», в копии: «а она *за него не пошла*» и т. д. и т. п. Пропущена также пара небольших фраз, есть перестановки и пропуски слов, изменения словоформ. Необходимо отметить, что после копирования Гончаров продолжил работу над этими главами, но им была замечена и исправлена всего лишь одна погрешность Никитенко: пропуск местоимения «он».

Всего же в текст двух глав объемом около одного авторского листа ею было внесено свыше шестидесяти поправок, нередко изменяющих смысл текста. Напомним, что С. А. Никитенко переписала как минимум три последние части «Обрыва» объемом более двадцати авторских листов. Можно только предполагать, какое количество изменений она внесла в этот текст.⁵⁴

Выше были отмечены только самые существенные расхождения автографа и копии, влияющие на смысл повествования. Однако, копируя рукопись, Никитенко вносила в гончаровский текст и другие изменения. Они таковы:

1) Меняется характерная для Гончарова пунктуация. Частые тире и многоточия заменяются на запятые и точки. Точка с запятой меняется на точку, отчего одно большое предложение разбивается на несколько маленьких. Кроме того, далеко не

⁵⁰ Там же. С. XLII.

⁵¹ В письме к Никитенко от 25 февраля 1873 года Гончаров просит ее принять от него на память «3 последние части *Обрыва*, переписанные Вами с моими исправлениями. Рука не поднимается истребить это доказательство Вашего дружества ко мне» (цит. по: *Гейро Л. С.* Из истории создания романа И. А. Гончарова «Обрыв». (К эволюции образов Веры и Марка Волохова) // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1973 год. Л., 1976. С. 58).

⁵² РНБ. Ф. 209. Ед. хр. 7. Л. 88, об.—129, об.

⁵³ ИРЛИ. № 19521. Л. 1—6, об.; 46—53.

⁵⁴ Со случаями, когда переписчики значительно искажали копируемый ими текст, особенно часто приходится сталкиваться исследователям творчества Горького; об этом и о принципах устранения таких искажений см.: *Прохоров Е. И.* Текстологические принципы Академического полного собрания сочинений М. Горького // *Текстология славянских литератур*. С. 85—90.

всегда точно воспроизводится авторское употребление восклицательного и вопросительного знаков.

2) Добавляются абзацные отступы.

3) Кое-где меняются словоформы: «этою» на «этой», «чтоб» на «чтобы» и т. п.

4) Изменяется оформление отдельных реплик. Если у Гончарова они в основном идут без абзацного отступа и в кавычках, то Никитенко почти везде перед репликой ставит абзац и тире.

Нетрудно заметить, что изменения именно такого характера были сделаны в тексте «Обрыва» при подготовке *Изд. 1883*. И гораздо более вероятным кажется предположение, что принадлежат они именно Никитенко, а не больному и плохо видящему Гончарову.

Обратимся наконец к последнему прижизненному изданию «Обрыва» — четвертому и пятому томам «Полного собрания сочинений» 1886 года (далее — *Изд. 1886*).⁵⁵ Нельзя не признать, что это издание подготовлено на более высоком эдиционном уровне. Однако текст его набирался с *Изд. 1883*, и поэтому оно вобрало в себя большинство его погрешностей. Все же различия между этими изданиями (которых можно насчитать около шестидесяти) имеют тот же характер, что и большая часть различий между *Изд. 1870* и *Изд. 1883*: «прохватил» / «прихватил»; «вонзились» / «вонзались»; «улыбнулся» / «улыбался» и т. п. Есть и вставки одно-двух слов, никак, впрочем, не влияющие на смысл повествования.

Работал ли Гончаров над текстом *Изд. 1886*? Опять же, никаких документальных свидетельств тому, как в случае с *Изд. 1883*, мы не имеем. Попробуем ответить на этот вопрос, оценив качество текста *Изд. 1886* и смысл произведенных в нем изменений.

Прежде всего нельзя не обратить внимания на то, что в *Изд. 1886* остались неисправленными явные опечатки предыдущего издания. Так, из *Изд. 1883* в него перешли «Венера Милоская» (часть I, глава IV),⁵⁶ «содргался» (часть I, глава VI), «отсюду» (вместо «отвсюду»; часть I, глава IX),⁵⁷ «распрашивала» (часть II, глава IX), «я все удалил» (вместо «уладил»; часть II, глава XVI),⁵⁸ «капитальное» (вместо «капитальное»; часть III, глава I), «перелинка» (часть III, глава II) и т. п. Возникли и новые опечатки, зачастую просто бросающиеся в глаза: «обожают» (вместо «обижают»; часть I, глава VI), «особнно» (там же), «показывал» (часть II, глава VI; в первой строке на четной полосе!), «он пошел было в двери» (вместо «к двери»; часть II, глава XX), «компании» (вместо «кампании»; часть III, глава II) и т. п.

Наблюдается в *Изд. 1886* и дальнейшая порча пунктуации, продолжающая тенденцию *Изд. 1883*: «...тогда поймете (,) вы, отчего те старики полиняли...» (часть I,

⁵⁵ В «Полном собрании сочинений» 1884 года (далее — *Изд. 1884*), которое вышло почти одновременно с *Изд. 1883* (сообщение о выходе см.: Еженедельное обозрение. 1883. 18 дек. № 1. Стлб. 18), «Обрыв» печатался с матриц предыдущего издания (была заменена лишь сигнатура), поэтому как самостоятельный источник текста его мы не рассматриваем. Следует, однако, отметить, что не все экземпляры т. 4 *Изд. 1884* (содержащего I и II части «Обрыва») идентичны; между нашим собственным экземпляром и экземпляром из библиотеки ИРЛИ (шифр 48^{2/3}) есть как минимум два расхождения: в последнем сделаны две поправки — на с. 24 («жаждущаго» на «жаждущего») и 106 («Безтыдница» на «Безстыдница»). Вполне вероятно, что между этими экземплярами есть и другие мелкие расхождения; возможно, они есть и в других томах *Изд. 1884* (в т. 5 нами расхождений не замечено). Это говорит о том, что, очевидно, тираж *Изд. 1884* допечатывался, и перед допечаткой замеченные неточности были исправлены. Столь же очевидно, что эти поправки имеют случайный характер, так как другие грубые опечатки остались при этом неисправленными. К слову заметим, что следующее издание «Обрыва» набиралось именно по *Изд. 1883* или первому тиражу *Изд. 1884*, так как там тоже читаем «жаждущаго» (так же, кстати, как и в «Вестнике Европы», и в *Изд. 1870*).

⁵⁶ В IV главе IV части в *Изд. 1883*, и в *Изд. 1886* — «Милоская».

⁵⁷ В «Полном собрании сочинений» Гончарова 1896 года (также издание Глазунова) эта опечатка ничтоже сумняшея исправлена на «отсюда».

⁵⁸ В *Изд. 1883* эта опечатка перешла из *Изд. 1870*.

глава IV); «Она милая женщина (<...>), как все женщины, когда они, как рыбы, не лезут (,) из воды на берег...» (часть I, глава V) и т. п.

Добавился в *Изд. 1886* и ряд искаженных чтений, возникших, по всей видимости, в тот момент, когда корректор исправлял явно неправильно набранный текст, не особенно вдумываясь в смысл повествования. Это именно те описанные Б. В. Томашевским случаи, «когда корректор начинает править замеченную ошибку без справки в оригинале. Исправления по догадке дают еще худшие искажения». ⁵⁹ Вот три примера:

1) Часть I, глава X. *Изд. 1883*: «Волга задумчиво текла в берегах, заросшая островами, кустами, покрытая мелями». В *Изд. 1886* вместо «въ берегахъ» появляется непонятное «къ берегамъ». Нетрудно представить, как возникло это чтение. При наборе были спутаны сходные по рисунку литеры «в» и «к», ⁶⁰ а затем корректор просто «согласовал» слово с предлогом: любой редактор подтвердит, что если в корректуре встретятся два несогласованных между собой слова, то в девяти случаях из десяти не слишком внимательный корректор согласует второе слово с первым (а не наоборот), даже если при этом может страдать смысл.

2) Часть I, глава XVI. Письмо Козлова к Райскому: «Вчера я (<...>) забрел в твои маетности (<...>), должно быть по рассеянности (<...>) попал не в тот переулок, спустился под гору, и когда поднялся, то узнал, что очутился в саду твоей бабушки...» Согласно словарю В. И. Даля, «маетность» — это «недвижимое имение, вотчина»; ⁶¹ Козлов сообщает Райскому, что случайно забрел на территорию его имения, в его владения. Устаревшее слово «маетности» показалось корректору или наборщику *Изд. 1886* печаткой, и он исправил его на внешне более понятное, но совершенно бессмысленное «местности»: «Вчера я (<...>) забрел в твои местности...» — так это предложение печатается до сих пор во всех изданиях «Обрыва».

3) Часть II, глава II. Марфинька рассказывает Райскому о своем желании иметь «побольше маленьких братьев и сестер, или хоть чужих деточек»: «Я (<...>) всё бы за ними ходила. Один шалит, его в угол надо поставить, тот просит кашки, этот кричит, третий дерется; тому оспочку надо привить, то ушки пронимать, а этого надо учить ходить...» В последней фразе есть опечатка, прошедшая через все издания романа от «Вестника Европы» до *Изд. 1883* и исправляемая лишь по черновому автографу: «...той ушки пронимать...» Опечатку в этой же фразе заподозрил и корректор (наборщик) *Изд. 1886* — и исправил «то» на «тому!» Получилось, что ушки для ношения серег Марфинька хочет «пронимать» мальчику.

Все это позволяет заподозрить, что и в *Изд. 1886* Гончаров участия также не принимал, в лучшем случае — дал два-три устных указания. Качество же текста свидетельствует о том, что при его подготовке не только не вычитывался наборный оригинал (т. е. *Изд. 1883*), но и сама корректура была прочитана достаточно небрежно. Во всяком случае, в отличие от *Изд. 1883* (в которое, напомним, был вставлен четырехстрочный фрагмент), ни одно изменение *Изд. 1886* не дает оснований говорить о несомненном авторском вмешательстве в текст.

В дальнейшем при переизданиях «Обрыва» за основу брался текст *Изд. 1886*, и правомерность подобного выбора никем никогда не оспаривалась.

Подведем предварительные итоги.

1) Вероятно, Гончаров не работал над *Изд. 1883*, так как был тяжело болен и не мог этого сделать просто физически. К тому же факт работы над этим изданием не отражен ни в одном из дошедших до нас документов того времени.

⁵⁹ Томашевский Б. В. Писатель и книга: Очерк текстологии. Л., 1928. С. 35.

⁶⁰ Очевидно, это одна из тех ошибок, которые происходят «оттого, что в кассе оказывается неправильно положенная буква. По большей части это происходит при разборе, когда мелкие буквы по сходству очертаний принимаются одна за другую» (Томашевский Б. В. Писатель и книга. С. 24). Сходная опечатка («къ» вместо «въ») есть и в тексте «Обыкновенной истории» того же издания.

⁶¹ Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1995. Т. 2. С. 288.

2) Вероятно, над *Изд. 1883* работала С. А. Никитенко, которой Гончаров мог дать *carte blanche* на поправки и изменения в тексте романа. Очевидно, Никитенко не только готовила оригинал романа к переизданию, но и читала корректуры.

3) Вероятно, подавляющая часть изменений текста романа в *Изд. 1883* — это ошибки набора, так как большинство из них, во-первых, идеально ложатся в классификацию основных опечаток, предложенную Б. В. Томашевским,⁶² и, во-вторых, в целом не характерны для работы Гончарова, в частности над романом «Обрыв» при подготовке *Изд. 1870*, а также над другими текстами.

4) Вероятно, Гончаров не работал и над *Изд. 1886*, так как большинство из его изменений аналогичны изменениям *Изд. 1883*, охарактеризованным в п. 3, а корректур этого издания писатель не держал.⁶³

Что же из этого следует?

Недавно Л. С. Гейро, изучившая историю изданий романа «Обломов», пришла к выводу, что «в изданиях 80-х годов⁶⁴ количество (...) смысловых ошибок, допущенных по вине издателей (наборщика, корректора и проч.), весьма велико: искаженные эпитеты, пропущенные слова и строки, неверные союзы и предлоги, нарушенное согласование, не оправданные смыслом перестановки слов и словосочетаний, измененные времена глаголов и глагольных форм и т. п.».⁶⁵ То же самое мы наблюдаем и в двух последних изданиях «Обрыва».

Таким образом, выбирая источник основного текста романа «Обрыв», мы стоим перед дилеммой. Если мы выбираем в качестве основного *Изд. 1870*, то тем самым отказываемся от четырехстрочного фрагмента и еще четырехчей небесспорно авторских поправок, но зато будем работать с относительно «чистым», подготовленным и вычитанным Гончаровым текстом, в который необходимо будет внести минимальное количество поправок по предыдущим источникам. Если же в качестве основного мы выбираем *Изд. 1886*, то нам придется авторизовать огромное количество изменений, большая часть которых очевидно является следствием небрежной работы наборщика и корректора, хотя формально принцип «последнего прижизненного издания» будет соблюден.

Посмотрим, какие мнения высказывались в отечественной текстологической литературе при анализе аналогичных случаев.

Один из основателей современной текстологии Б. В. Томашевский в своей книге 1928 года писал, что принцип последнего прижизненного издания «допускает исключения, если он расходится с рациональными основами выбора текста», и что

⁶² См.: Томашевский Б. В. Писатель и книга. С. 24—32.

⁶³ См.: Гончаров И. А. Полн. собр. соч. и писем: В 20 т. СПб., 2000. Т. 3. С. 466; примеч. Т. И. Орнатской. Здесь же приводится фрагмент из письма Гончарова к Е. А. Никитенко от 1 августа 1885 года: «...писал в лавку Глазунова (...) спросил, зачем приглашают Софью Алекс(андровну) (...). Сегодня приказчик отвечал, что ей хотели предложить держать корректуру „Фрегата“ „Паллады“, которая вся вышла в продаже, а летом типография свободна, то Глазунов и заготовляет новое издание. Теперь же корректура эта, заключаает приказчик, передана другому лицу» (Там же). Письмо это однозначно говорит о том, что над текстами нового издания (по крайней мере, «Фрегата „Паллада“») Гончаров не работал, иначе бы к нему обратились не с просьбой найти корректора на уже *готовящееся* издание, а с просьбой предоставить выправленные оригиналы для набора или же с вопросом, не хочет ли он внести в новое издание изменения или поправки. Скорее всего, издание 1886—1887 годов воспринималось как простая допечатка предыдущего по мере того, как расходились отдельные его тома; к тому же оно выходило на протяжении не менее полутора лет: том IV («Обрыв», части I—II) вышел в мае 1886 года (см.: Книжный вестник. 1886. 15 мая. № 9—10. Стлб. 476), том V («Обрыв», части III—V) — в январе 1887 года (см.: Там же. 1887. 15 янв. № 2. Стлб. 64), тома I, II, III («Обыкновенная история», «Обломов» и книга «Четыре очерка») — в июне 1887 года (см.: Там же. 1887. 1 июля. № 12 и 13. Стлб. 608—609). Время выхода томов VI и VII, включавших «Фрегат „Паллада“», установить не удалось, но, исходя из цитированного выше письма, они появились либо в конце 1885 года, либо в начале 1886-го.

⁶⁴ Имеются в виду «Полные собрания сочинений» Гончарова 1884 и 1886—1887 годов.

⁶⁵ Гейро Л. С. История создания и публикации романа «Обломов». С. 631.

«полезно (...) поискать среди предшествующих изданий наиболее исправное, которое и выбрать в качестве основного, при условии внесения в него всех авторских изменений из позднейших изданий. Это практическое правило избивать новое издание от механического воспроизведения позднейших опечаток».⁶⁶ Своему коллеге вторит и Б. М. Эйхенбаум: «..., последняя воля автора» в отношении текста своих сочинений (...) остается обычно неизвестной. (...) ...разве можно быть заранее и всегда уверенным, что хронологически последний прижизненный текст был издан при действительном участии автора, без помех со стороны посторонних лиц и т. д.? А что если это издание было сделано во время его отъезда или болезни, даже без его ведома? (...) А что если оно в техническом отношении было сделано так небрежно, что изобилует не „вариантами“ (как может подумать иной умозрительный текстолог), а опечатками? (...) ...просто перепечатывать тексты последнего прижизненного издания на том основании, что оно последнее прижизненное (...) — вещь совершенно недопустимая. Тексты последнего прижизненного издания должны быть сверены с текстами всех предыдущих изданий и со всем сохранившимся рукописным и наборным материалом. Мало того: редактор-текстолог должен изучить весь имеющийся материал, относящийся к истории создания и истории печатания данного произведения (в письмах, дневниках, в воспоминаниях и т. д.), а также учесть (...) биографические условия, в которых данное произведение писалось и печаталось. (...) Только после этих предварительных сложных операций он имеет право и основание решить (...) какой из прижизненных текстов надо считать основным...»⁶⁷

Против схоластического понимания принципа «последней воли автора» предостерегают и академические «Основы текстологии»: «Правило выбора последнего авторизованного издания в качестве источника основного текста никогда не должно пониматься как абсолютное — это только наиболее общий, наиболее распространенный случай решения вопроса о выборе основного текста. Изучение источников текста может привести текстолога к отказу от выбора последнего авторизованного издания источником основного текста. Такое решение может быть принято, например, в том случае, когда последнее авторизованное издание окажется неполноценным, испорченным в результате вмешательства посторонних лиц — цензора, редактора и др.». И ниже: «Если (...) установлено, что печатный текст был искажен посторонними лицами или был воспроизведен небрежно, то источником основного текста следует избрать одно из предшествующих изданий...»⁶⁸ О том, что недопустимо

⁶⁶ Томашевский Б. В. Писатель и книга. С. 163, 168. Именно этому правилу ученый следовал при подготовке текста «Евгения Онегина», который в Академическом полном собрании сочинений Пушкина был напечатан «по изданию 1833 г. с расположением текста по изданию 1837 г.; цензурные и типографские искажения издания 1833 г. исправлены по автографам и предшествующим изданиям (отдельных глав и отрывков)» (Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 16 т. М.; Л., 1937. Т. 6. С. 660). Это решение было поддержано и в дальнейшем (см.: Пушкин: Итоги и проблемы изучения. М.; Л., 1966. С. 602). К слову сказать, сходным образом решается и проблема издания текста «Гамлета»: за основу берется прижизненное издание 1604 года (так называемое «кварто»), напечатанное, как указано на его титульном листе, «в соответствии с подлинной и точной рукописью», и в него вводится восемьдесят три строки, появляющиеся лишь в посмертном «Собрании сочинений» Шекспира 1623 года (см.: Шекспир У. Полн. собр. соч.: В 8 т. М., 1960. Т. 6. С. 579—580; примеч. А. А. Анникста).

⁶⁷ Эйхенбаум Б. М. Основы текстологии // Редактор и книга. С. 65—67. Ср.: «Не следует придавать понятию „воля автора“ юридический смысл: речь идет не о духовном завещании, а о художественном произведении. При изучении текста любой вещи надо прежде всего выяснить форму и степень участия автора в ее издании; от этого зависит решение вопроса, была ли „воплощена“ в данном печатном тексте его „воля“ и в какой мере» (Эйхенбаум Б. М. О тексте «Героя нашего времени» // Эйхенбаум Б. М. О прозе: Сб. статей. Л., 1969. С. 430).

⁶⁸ Основы текстологии / Под ред. В. С. Нецаевой. М., 1962. С. 259—260, 265; автор раздела — Е. И. Прохоров (при участии Л. Д. Опульской). Те же принципы Е. И. Прохоров постулировал и в своей книге «Текстология» (М., 1966), причем уточнял, что проявлением «последней творческой воли» можно считать лишь тот текст, исправления в котором имеют «элемент творчества, а не случайного изменения текста» (с. 39).

механистически следовать «последней авторской воле», писали и Д. С. Лихачев,⁶⁹ и С. А. Рейсер.⁷⁰

Эти теоретические рекомендации применялись и в текстологической практике. Приведем один показательный пример. А. Л. Гришунин, изучая издательскую историю романа А. А. Фадеева «Разгром», обнаружил, что издание романа 1934 года «изобилует грубейшими опечатками и, вероятно, случайными мелкими изменениями текста», а через два года, в 1936 году, вышло издание, «сделанное при явном участии Фадеева, с исправлениями творческого характера и с изменениями в членении повести на главы», которое «использовало в качестве основы издание 1933, а не 1934 г. или производные от него. (...) К сожалению, по какой-то случайности издание 1936 г. само потом оказалось тупиковым (...), и изменения 1934 г., в том числе совершенно вздорные, закрепились в тексте».⁷¹ Дальнейшие издания «Разгрома» восходили к дефектному изданию 1934 года, в том числе издание 1952 года, экземпляр которого, внося в него несколько мелких исправлений, автор передал в Гослитиздат, сделав на нем следующую надпись: «Канонический текст, очищенный от искажений и опечаток и включающий последние авторские поправки. При переизданиях прошу руководствоваться *только* этим текстом. А. Фадеев».⁷² Тем не менее, изучив обстоятельства появления этой надписи и характер изменений в последних прижизненных изданиях «Разгрома», исследователь делает совершенно резонный вывод: «...нельзя считать, что все изменения, внесенные Фадеевым в текст при переизданиях 1940—1952 гг., соответствуют его творческой „воле“», и рекомендует в дальнейшем перепечатывать «текст издания 1936 г., в котором автор в последний раз произвел действительно творческие изменения и которое не вобрало в себя многочисленных ошибок издания 1934 г. и более поздних. После 1936 г. ничем существенно ценным и обязательным для данного произведения текст „Разгрома“ уже не обогатился».⁷³

Аналогии с творческой историей «Обрыва» напрашиваются сами собой. Разнится только одно: никаких «канонизирующих» надписей на изданиях 1880-х годов Гончаров не делал, да и сам факт его участия в этих изданиях находится под большим вопросом. И, строго говоря, единственным достоверным проявлением «последней авторской воли» Гончарова является следующая фраза: «Завещаю и прошу (...) не печатать *ничего*, что я не напечатал или на что не передал права издания и что не напечатаю при жизни сам...»⁷⁴

Подведем итог всему вышеизложенному. По нашему мнению, которое основывается как на изучении характера изменений, произведенных в *Изд. 1883* и *Изд. 1886*, так и на данных биографии Гончарова, единственным достоверным проявлением «последней творческой воли» писателя по отношению к роману «Обрыв» следует считать *Изд. 1870*. Его текст и нужно брать за основу при подготовке критических переизданий романа.

⁶⁹ См.: Лихачев Д. С. 1) Текстология: Краткий очерк. М.; Л., 1964. С. 83—84; 2) «Воля автора» как принцип выбора текста для опубликования // Лихачев Д. С. Текстология: На материале русской литературы X—XVII веков. Изд. 2-е, перераб. и доп. Л., 1983. С. 573—588.

⁷⁰ См.: Рейсер С. А. Основы текстологии. Изд. 2-е. Л., 1978. С. 17—22.

⁷¹ Гришунин А. Л. История текста «Разгрома» А. Фадеева // Текстология произведений советской литературы. М., 1967. С. 272.

⁷² Там же. С. 273.

⁷³ Там же. С. 276.

⁷⁴ Гончаров И. А. Нарушение воли // Гончаров И. А. Собр. соч. Т. 8. С. 184.

Русская литература

№ 3

Историко-литературный журнал

2002

Издается с января 1958 года

Выходит 4 раза в год

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
Розанна Джакуинта (Италия). «У нас мечтатели и подлецы». О «Записках из подполья» Ф. М. Достоевского	3
Ким Кён Тэ (Республика Корея). Мир Востока в рассказе Бунина «Братья»	19

К 190-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ И. А. ГОНЧАРОВА

В. А. Туниманов. Вступительная заметка	37
Т. Б. Ильинская. Категория времени в романе «Обломов» (к истории вопроса)	38
С. Н. Гуськов. Хрустальный башмачок Обломова	44
А. В. Романова. В тени Обломова (автор и герой в сознании читателя)	53
А. Ю. Балакиев. О проблеме выбора основного источника текста романа И. А. Гончарова «Обрыв»	70
Э. Г. Гайнцева. Семь писем И. А. Гончарова из Бахметевского архива	89

ПУБЛИКАЦИИ И СООБЩЕНИЯ

В. Д. Рак. К датировке пушкинского стихотворения «Обвал»	106
Г. В. Стадников. О стихотворении «Душно! Без счастья и воли...» в свете проблемы «Некрасов и Гейне»	113
В. В. Перхин. И. А. Бунин в письмах корреспондентов Н. П. Смирнова (1959—1975) «Вы — хозяин моей души...». Письма Е. И. Журбиной к М. М. Зощенко (публикация, вступительная статья и примечания В. Н. Запавалова)	119
Борис Пильняк. Письма с Востока. К пребыванию Б. Пильняка в Японии в 1932 году (предисловие, публикация и примечания Н. Ю. Грыкаловой)	135
	170